

Воспоминанія генерала-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года.

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

Въ 1877-мъ году дивизионный компантъ 1-ой кавалерійской дивизіи по распоряженію высшаго начальства былъ при штабѣ дивизіи въ г. Твери. Занятія въ полкахъ шли своимъ чередомъ, вѣсти съ театра войны получались частыя, благодаря не дальняго разстоянія Москвы и Петербурга. Въ полки получались то и дѣло приказанія о командированіи офицеровъ въ артиллерійскіе парки или для провода лошадей въ мобилизующей части. Поджидали, что очередь дойдетъ и до насъ, слухи доходили, что начальникъ дивизіи очень хлопочетъ о зачисленіи дивизіи въ составъ дѣйствующей арміи.

Августа 2-го, рано доставлена мнѣ была записка изъ штаба дивизіи слѣдующаго содержанія: „Полкамъ дивизіи въ полномъ составѣ къ 11-ти часамъ утра собраться на Желтиково поле“.— По законическому содержанію записки никому въ голову не приходило, что собираютъ дивизію для объявленія о мобилизаціи. Утромъ еще кто-то изъ офицеровъ встрѣтилъ начальника дивизіи въ дурномъ расположеніи духа, что еще болѣе удаляло соображеніе, что походъ объявится. Большинство предполагали, что начальникъ дивизіи собираетъ полки, чтобы проститься по случаю назначенія лично его въ дѣйствующую армію. По дорогѣ на Желтиково поле заѣхалъ я въ штабъ дивизіи узнать, для чего полки собираютъ; тамъ ничего не узналъ, по дорогѣ встрѣтилъ двухъ бригадныхъ генераловъ, которые изъ штаба же дивизіи въ невѣдѣніи ѣхали на сборный пунктъ.

Лейбъ - драгунскій Московскій Его Величества полкъ собрался довольно скоро на Желтиково поле, хотя приказаніе о сборѣ застало людей на стрѣльбѣ; люди пѣшкомъ за 5-ть, за 6-ть верстъ должны были вернуться въ деревню своего расположенія, подсѣдлатъ лошадей и на рысяхъ прибыть къ сборному пункту.— Начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Дохтуровъ, ранѣе 11-ти часовъ пріѣхалъ на плацъ на тройкѣ, къ удивленію всѣхъ; онъ дѣлалъ это всегда въ торжественныхъ случаяхъ, обыкновенно же пріѣзжалъ изъ дому верхомъ на плацъ на всѣ ученья. Одинъ изъ дивизионовъ Петербургскаго уланскаго полка, верстъ за десять былъ расположенъ отъ военнаго поля, замѣшкалъ приходомъ; начальникъ дивизіи явно выражалъ неудовольствіе и нетерпѣніе. Старшій бригадный, генераль-маіоръ Лошкаревъ попытался было подѣхать спросить высшее начальство о причинѣ сбора полковъ, но предупрежденъ былъ посланнымъ ординарцемъ съ приказаніемъ отъ Его Превосходительства ровнять полки.

Не дождавшись прибытія дивизиона уланъ, начальникъ дивизіи началъ объѣзжать войска, построилъ четырехъугольникъ и поздравилъ дивизию съ походомъ, прочитавъ депешу отъ Главнокомандующаго изъ Горнаго Студня слѣдующаго содержания: „Поздравляю съ походомъ, твоя дивизія тоже поступаетъ ко мнѣ въ дѣйствующую армію.—Официальное распоряженіе послѣдуетъ за симъ“.

Громкое неумолкаемое „ура!“ огласило Желтиково поле и вхомъ перекатывалось по сосновой рощѣ. Съ музыкой и пѣснями войска стали расходиться, общее было оживленіе, взрывы громкаго „ура“ долго не умолкали.

На другой день полки дивизіи выступили изъ Твери на постоянныя свои квартиры для мобилизаціи, приказъ послѣдовалъ 3-го августа. Московскій драгунскій полкъ остался на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Твери.

Подполковникъ Афанасьевъ командированъ былъ въ городъ Осташковъ за обозными лошадьми, и усиленныя приготовленія начались тотчасъ же. Старшему врачу поручено былъ сдѣлать медицинскій осмотръ людямъ всего полка. Слабыхъ и больныхъ людей отдѣлять; въ полку были сверхъ комплекта люди, приказомъ по дивизіи приказано было передать ихъ уѣздному воинскому начальнику. Впослѣдствіи, когда полкъ былъ уже въ г. Ольтеницѣ, людей этихъ вернули въ полки не обмундированныхъ, истощенныхъ походомъ, они сдѣлались основнымъ гнѣздомъ болѣзненности и увеличили число нашихъ людей,

составляющихъ обузу при кавалерійской части. Къ числу распоряженій, послѣдовавшихъ по мобилизаціи полка, вниманіе эскадронныхъ командировъ обращено было на обувь солдатскую. Чтобы всякій солдатъ имѣлъ двѣ пары сапогъ. Для покупки сапогъ, неимущимъ были выданы деньги изъ хозяйственной суммы полка, а также и на заведеніе набрюшниковъ. Потники въ эскадронахъ были освѣжены полостями, купленными въ Москвѣ, лучшаго достоинства, четыре листа на потникъ, подковы были изготовлены, перековка лошадей началась, запасный кругъ подковъ долженъ былъ идти въ артельныхъ повозкахъ.—Весь запасъ лепчиковъ изъ цейхауза былъ выданъ въ эскадроны. Вьючныя сѣдла были выписаны изъ Петербургскаго военнаго комиссіонерства по дорогой цѣнѣ и не практичныя, хотя форменныя.

Обмундированіе выдано было новое по положенію. Выслуженное, которое составляло собственность солдата, предложено было сдать на храненіе въ полковой цейхаузъ, солдаты не охотно это дѣлали, предпочитая продать за безцѣнокъ, ссылаясь на то, суждено ли будетъ кому вернуться. Предположено было сначала полушубки взять на сѣдла, но выданныя отъ интендантства фуфайки, весьма дурного качества, измѣнили прежнее распоряженіе, о чемъ я очень пожалѣлъ впоследствии, полушубки солдаты продали, весьма немногіе дали на сохраненіе. Кивера приказано было оставить, а полку построить новыя фуражки съ двойнымъ комплектомъ бѣлыхъ чехловъ. Новые фуражки подъ чехлами отъ дождей скоро пришли въ ужасный видъ. Чтобы не затруднять солдатъ точеніемъ сабель на ручныхъ точилахъ, сабли были отточены на машинномъ заводѣ Тверской станціи. Люди полка и офицеры какъ-то сосредоточенно готовились къ предстоящему походу, разгула и кутежей не было. Мною предложено было воспользоваться Успенскимъ постомъ и полку говѣть. Весь полкъ говѣлъ, исповѣдался и приобщился Св. Тайнъ.

Обозныя лошади, приведенныя въ полкъ, были простого, рабочаго сорта, скоро пришедшія въ хорошія тѣла. 20-го августа, полученъ изъ штаба Московскаго округа планъ перевозки дивизіи по желѣзнымъ дорогамъ и маршрутъ слѣдованія ея походнымъ порядкомъ отъ станціи Барзула до города Бырлатъ въ Румынію, 266³/₄ вер. Выступленіе Московскому драгунскому полку назначено было 30-го августа, а 7-го сентября день прибытія въ Барзулу.

Общество Тверское пожелало проводить драгунъ и артил-

леристовъ, расположенныхъ въ г. Твери. Офицерамъ предложень былъ обѣдъ въ городской думѣ. Обѣдъ былъ очень оживленный. Начальникъ дивизіи былъ противъ этого обѣда, не пожелалъ, чтобъ на площади былъ отслужень молебенъ, приказавъ это сдѣлать въ расположеніи полка, настоятельно заявлялъ, чтобы во время обѣда рѣчей не произносить, что не помѣшало присяжному повѣренному Сухоручкину, отъ имени гражданъ, сказать весьма прочувственную напутственную рѣчь; его примѣру послѣдовалъ педагогъ и воспитатель Тверскаго юношества, директоръ П. Θ. Фрезе, сравнивъ въ своей рѣчи доблестное воинство съ сѣятелями, а людей науки съ собирателями жатвы. Солдатамъ начальникъ дивизіи разрѣшилъ дать закуску отъ города передъ посадкою въ вагоны, что произвело неизбежный беспорядокъ, котораго отнюдь не слѣдовало допустить.

Въ памятный день 30-го августа 1877-го года, эскадронный праздникъ эскадрона № 2, Московскій драгунскій полкъ 5-ю эшалономъ долженъ былъ выступить изъ г. Твери.

На станціи желѣзной дороги толпился съ ранняго утра народъ, провожая земляковъ и родныхъ, такъ какъ много поступившихъ на службу были изъ уѣздовъ Тверской губерніи.

Къ отходу пассажирскаго поѣзда къ 4-мъ часамъ вечера собралось все тверское общество. Городской голова Нечаевъ просилъ меня принять хлѣбъ-соль и благословилъ полкъ образомъ Спасителя. Минута была торжественная, самыхъ сильныхъ ощущеній, провожаніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ разстраивало въ высшей степени нервы. Меня провожала жена, которая непременно желала ѣхать до Кіева.—Подгулявшая публика обнималась съ солдатами раздавала папирсы, были сцены комичныя, но подрывающихъ душу было достаточно.

Братъ мой штабсъ-ротмистръ Кавалергарскаго полка, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ командированъ отъ полка въ Болгарію, для формированія коннаго болгарскаго ополченія, которое не состоялось. Въ числѣ прочихъ, участвовалъ въ экспедиціи съ генераломъ Гурко за Балканы въ іюлѣ, и по реформированіи отряда съ разрѣшенія Главнокомандующаго прикомандированъ былъ въ вѣренному мнѣ полку, 30-го же августа вступилъ съ драгунскимъ полкомъ изъ Твери, получивъ разрѣшеніе отъ меня заѣхать въ Тульскую губернію, взглянуть на наше общее деревенское хозяйство и погнать полкъ въ г. Кишиневъ.

30-го августа въ Москвѣ полку назначена была дневка. Подъ квартиры офицерамъ отведены были гостиницы „Парижъ“ и „Франція“ на Тверской, весьма комфортабельныя. Мнѣ

пришлось ѣздить по начальству, командуящій войсками Московскаго округа генераль-адъютантъ Гильденштубе сердечно меня принялъ и напутствовалъ лучшими пожеланіями. День не обошелся конечно безъ обѣда въ „Эрмитажѣ“, а вечеръ въ Большомъ театрѣ. Бывшій мой сослуживецъ, исполняющій должность директора Московскихъ театровъ, П. А. Кавелинъ предложилъ женѣ свою ложу.

1-го сентября. День прошелъ въ разныхъ закупкахъ, большинство ненужныхъ вещей, которыми большинство офицеровъ запаслись по неопытности, 2-го числа съ курьерскимъ поѣздомъ, въ сопровожденіи жены, отправился по направленію въ Кіевъ, дорогою обгоняя эшелоны полка.

Въ Тулѣ на станціи былъ встрѣченъ родными, которые выѣхали проститься со мною, двоюродные братья съ женами, старикъ дядя, котораго мнѣ, по возвращеніи, не суждено было видѣть въ живыхъ.

Съ приближеніемъ дня разлуки, здоровье жены видимо разстроивалось, такъ что въ Кіевъ пріѣхалъ я съ больною женой (до 6-го числа пробылъ я въ Кіевѣ). Жена видимо крѣпилась, чтобы и меня не тревожить. До 6-го числа пробылъ я въ Кіевѣ, осматривалъ городъ, лавру; преосвященный митрополитъ Теофилъ напутствовалъ меня своимъ благословеніемъ. Не забуду никогда почтенное лицо уважаемаго старца. Въ Кіевѣ же случайно на Крещатикѣ я сдѣлалъ весьма полезное приобрѣтеніе, желѣзную складную кровать, варшавскаго издѣлія, служившую мнѣ весь походъ, гдѣ только можно было ею пользоваться. 6-го же числа въ 9 час. вечера проводилъ жену въ обратный путь и самъ черезъ $\frac{1}{2}$ часа отправился въ Бирзулу, куда прибылъ 7-го числа въ $3\frac{1}{4}$ часа, одновременно съ прибытіемъ 3-го эшелона драгунскаго полка. На станціи Бирзулѣ встрѣтилъ архіерея Кишиневскаго, отправляющагося въ Одессу; онъ передалъ мнѣ сто рублей для раздачи солдатамъ. На эти деньги купленъ былъ табакъ для нижнихъ чиновъ въ Кишиневѣ.

Переѣздъ полка по желѣзнымъ дорогамъ отъ Твери до Бирзулы совершился благополучно, жалобъ и отсталыхъ людей не было. Одна лошадь въ № 4 эскадронѣ раздробила себѣ ногу въ вагонѣ и оставлена была въ Курскѣ. Составъ полка былъ 16-ти рядный и по 4 лошади запасныхъ на эскадронъ. Къ вечеру 7-го сентября полкъ собрался въ Бирзулу и расположился въ 7-ми верстахъ отъ станціи въ селеніи Степана Гавриловича Леонтовича. Первый дивизионъ въ сараяхъ, второй за плетнями по дворамъ. Для штаба полка уступленъ былъ

домъ помѣщеній съ флигелями. Хозяинъ-былъ радушный человекъ, братъ его изъ отставки поступилъ на службу въ Орденскій драгунскій полкъ.

У Леонтовича я со штабомъ завтракали, обѣдали, лакомились арбузами и дынями, составлявшими для насъ рѣдкость; сентября 9 въ 1 ч. утра полкъ выступилъ въ селеніе Ставровки, 7 верстъ. Начальникъ дивизіи, провожая полкъ, повидимому остался доволенъ наружнымъ видомъ полка. Шли мы ближайшею дорогою, что сократило значительно разстояніе перваго перехода по гористой мѣстности, облегчило движеніе обоза, лошади котораго не достаточно подобраны были по темпераментамъ. Къ полку присоединена была 2 конная батарея. Общимъ начальникомъ назначенъ былъ командиръ 1 бригады генералъ-маіоръ князь Абамелекъ, рвавшійся на войну со дня ея объявленія.

Для выхода въ первый переходъ, на дневки въ селеніе мною были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

а) обозу и эскадроннымъ кухнямъ, съ ночлеговъ выступать раньше полка.

б) какъ только пища въ эскадронахъ готова дежурнымъ унтеръ-офицеромъ приходитъ мнѣ докладывать.

в) во время слѣдованія полка вахмистрамъ ѣхать позади своихъ эскадроновъ.

г) нижнимъ чинамъ безъ приказанія не спѣшивать и никакихъ остановокъ не позволять.

д) полку идти на трензеляхъ, подъ чемоданы нанимать обывательскія подводы.

е) эскадронамъ по очереди идти во главѣ полка и караульную службу нести пошесть.

Съ перваго же перехода съ овсянаго довольствія полкъ перешелъ на ячмень. Дача ячменя на первыхъ порахъ была уменьшена, да лошади первоначально неохотно ѣли ячмень, овса можно было доставать едва третью часть дневной дачи. Первый случай неосторожнаго обращенія съ ячменемъ отозвался на лошади прапорщика Живова, которая пала. Въ Ставровки квартира отведена мнѣ была у священника, который записалъ мое имя и фамилію; на вопросъ, для чего ему, онъ отвѣчалъ, чтобы знать, если въ газетахъ напечатано будетъ, что убитъ, то чтобъ помянуть. Намѣреніе доброе, но неприятно подѣйствовавшее на первыхъ порахъ.

Изъ Ставровки 10 числа переходъ въ деревню Феодоровку, 23 в. Не доходя 4 верстъ, расположился одинъ дивизионъ, а

въ Феодоровкѣ дивизионъ драгунъ и батарея. Жители какъ-то недовѣрчиво относились, причина тому, что много уже войскъ прошли по этому тракту и не всегда люди вели себя добропорядочно. Шедшій впереди насъ 3 полкъ дивизіи произвелъ какой-то безпорядокъ, и командиръ полка долженъ былъ заплатить, что заставило меня обратиться къ своимъ эскадроннымъ командирамъ съ предупрежденіемъ, что если поступить ко мнѣ какая жалоба на нижнихъ чиновъ, во время пути слѣдованія, то тотчасъ мною будетъ удовлетворена на счетъ эскадроннаго командира; что мнѣ не пришлось, слава Богу, примѣнить за все время похода, если были какія недоразумѣнія, то предупреждались начальниками частей.

М. И. Поклевская-Козель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.